

Глава 1. Дао определяет судьбу демона

Говорят, когда первопредок Паньгу расколол хаос и сотворил мир, он разделил Великую вселенную на три предела. Первым стало Царство небесное — величественные чертоги из яшмы и нефрита, омываемые неиссякаемыми потоками бессмертной благодати. Вторым — земная твердь, обитель смертных, где в бесконечном круговороте перерождений копошились бесчисленные людские поколения. Третьей же долей сделалось то, что после сотворения сущего осталось неприкаянным, зыбким и вечно блуждающим в пустоте.

То были затерянные вековечные горы, бездонные лазурные моря или просто первозданное ничто. Именно таким прибежищем и стала некогда гора Юньцан. И пускай она уступала Небесам в таинственном величии, в ней тоже таилось немало сокрытых чудес.

Ливень хлынул внезапно. Крупные капли величиной с боб застучали по кручам и речным стремнинам, омывая всю Юньцан очищающей небесной влагой. В самых недрах горы, где веками разрасталась непроходимая чаща, наползавшие грозовые тучи сожрали последние крохи дневного света. Воцарился непроглядный мрак. Сквозь водяную пелену проступили сгустки колоссальной духовной энергии: они извивались и сталкивались друг с другом, порождая бешеные вихри, которые вырывали вековые деревья с корнем и щепили их на куски.

Безумие стихии утихло лишь тогда, когда иссякли тучи. Сквозь редеющий туман пробились робкие лучи, выхватив в воздухе странный снежно-белый ком. В противовес разверзшемуся внизу хаосу, этот кокон плавно покачивался, окутанный молочно-белым ореолом. С каждым покачиванием пушистый клубок расправлялся, пока наконец не принял очертания крошечного белоснежного лисёнка. Тотчас за его спиной начали прорасти хвосты — один, второй, третий... Покуда их не стало ровно девять. Легкий ветерок взъерошил нежную шерстку, и тонкие хвосты колыхнулись вразнобой, рождая жуткое и завораживающее зрелище.

Лисёнок медленно приоткрыл глаза, и сияние вокруг него тут же угасло. Стоило лапам коснуться земли, как маленький хищник хитрым взглядом мигом оценил обстановку. В следующее мгновение зверёк без малейших колебаний метнулся в самую глубь заповедного леса.

У Южных Небесных Врат, привалившись к резному столбу арки, сладко дремал звёздный чиновник дня. Клубящийся вокруг молочный туман лениво шевелил пряди его черных волос, щекоча лицо. Вдруг резкий толчок всполошил безмятежное облачное море Небес. В то же мгновение чиновник распахнул глаза. Взмахнув широким рукавом, он одним движением руки разогнал тучи и устремил взор вниз.

Далеко внизу простирались бескрайние земли смертных и зыбкие пограничные миры. Отринув взором Подземное море и мертвые бездны, бессмертный уловил затухающие колебания силы в районе великих горных хребтов. Приглядевшись, он замер: в самом сердце горы Юньцан на сотню ли вокруг земля будто пережила конец света — почва просела глубокими рвами, деревья лежали изломанными щепками, являя взору картину полнейшего разорения.

Звёздный чиновник нахмурился: подобный погром явно не под силу обычному существу. Он вновь просеял взглядом ущелья, но виновника буйства так и не засёк. Недолго думая, бессмертный поспешил в Зал Нефритового Императора, дабы доложить обо всем владыке.

В величественном зале Нефритовый император восседал на тронном ложе, окутанный священной дымкой и сиянием истинного величия. Выслушав сбивчивый доклад, владыка даже не дрогнул. Он лишь лениво указал пальцем в пустоту — облака перед ним разошлись, явив сотворенное из воздуха зеркало, в котором отразилась истерзанная плоть горы Юньцан.

Взмах руки — и видение растаяло без следа. Нефритовый император заговорил неторопливо и веско:

— На горе Юньцан действительно явился миру девятихвостый лис-оборотень. Однако Небесному дворцу не следует вмешиваться без нужды. Коли станет он прилежно совершенствоваться и не причинит вреда живым душам, то со временем сможет постичь Дао и подняться в наши чертоги. Если же уклонится на стезю зла и принесет беды в мир смертных, Небеса сурово покарают его.

Небесный престол зорко следил за подобными тварями лишь ради того, чтобы упредить грядущие потрясения. Всё сущее в Великой вселенной держится на хрупком равновесии. Стоит этой чаше качнуться — и весь мир рухнет в бездну в мгновение ока. И именно эти блуждающие, затерянные земли чаще всего грозили нарушить покой, ведь ни Небеса, ни земля людей не могли полностью принять их строптивую природу.

Из-за коварного нрава пограничных земель Небесный чертог обычно предпочитал закрывать глаза на то, что там рождалось. Сам император некогда говаривал, что нити кармы в подлунном мире запутаны настолько, что даже богам не под силу распутать этот клубок. Будда Западного Рая, вторя ему из своей далекой обители, учил, что всё сущее должно следовать естественному течению, ибо истинное Дао — это абсолютное освобождение и покой, в которые нельзя вмешиваться силой.

В ту далекую пору династия Великая Ся только зарождалась среди первозданного хаоса. Человек по имени Ся Чэнтянь, вверив себя воле Небес, сплотил разрозненные племена, чтобы вместе противостоять свирепым диким зверям и сокрушительным бедствиям. Общими усилиями люди крепили день за днем, пока не воздвигли первое государство, а он сам сделался первым земным императором на этой бескрайней желтоземной равнине.

Сменялись эпохи, уходили в небытие правители, но Да Ся стояла незыблемо. Её рубежи раскинулись до самого Подземного моря и ледяных окраин бездны. Смертные множились, обживая новые земли. Но помимо разрушительного гнева стихий, подданные империи страшились лишь одного. То были твари, способные принимать обличье то кровожадных чудовищ, то обольстительных красавиц. Они прокрадывались в дома и забирали человеческие жизни. И каждый житель империи знал, как величать этот первобытный кошмар.

Имя ему было — демоны.

«Чужая кровь — чужая душа», — гласит древняя мудрость. Какими бы намерениями ни руководствовалось демоническое племя, правителям Династии Великая Ся пришлось взяться за оружие. Они начали созывать колдунов и возводить святилища. В великих ритуалах жертвоприношений они зывали к мириадам богов и будд, вымаливая высшие откровения. По всей стране ширилось учение Будды и таинства даосских практик — всё ради того, чтобы искоренить чужаков и сберечь род людской.

Но боги оставались безучастны к земной суете. С высоты своего величия они безразлично взирали на нескончаемую грызню смертных. Для бессмертных жизнь человека пролетала как единый миг — они могли даровать расцвет или стереть в пыль целые народы одним мановением руки. Лишь вечное существование самой вселенной имело значение для их Дао.

Внезапный раскат грома разорвал ясную синеву небес, заставив содрогнуться стены древнего храма.

Под сводами черепичной крыши главного зала, усевшись прямо на циновку, замер настоятель монастыря. На нем была праздничная шафрановая ряса, а в ладонях покоились простые деревянные четки. Давно миновав пору зрелости, в мягком сиянии храмовых светильников старец ничуть не выглядел немощным — лишь его снежно-белая борода едва заметно колыхалась от сквозняка. Всю жизнь он сеял вокруг себя добро и молился лишь об одном: очистить разум от мирского сора и уйти в нирвану, к ногам великого Будды.

Шумная толпа паломников, заполонившая монастырский двор, мгновенно притихла при звуке грома. Люди испуганно устремили взоры к небесам. Сегодня был великий день — день, когда всеми уважаемый настоятель должен был завершить земной путь и вознестись в сонм бессмертных. Жители города сошлись сюда, чая увидеть чудо преображения. Ведь за всю историю Династии Великая Ся лишь двоим смертным удалось во плоти достичь Небесного воинства: бесстрашному стрелку Хоу И да его супруге Чаньэ, вкусившей эликсир бессмертия. Для простых людей прикоснуться к сиянию девяти небес считалось благословением на три жизни вперед.

Монах медленно открыл глаза. В тот же миг из набежавшей тучи сорвалась ослепительная молния. Беспрепятственно пройдя сквозь храмовую кровлю, она устремила прямо к его телу. На иссеченном морщинами лице старца не отразилось ни страха, ни радости — лишь ясный, глубокий взор встретил ярость небесного огня.

Электрические разряды бешено заплесали по залу, но так и не смогли коснуться святого мужа. Он восседал недвижимо и невозмутимо. Сильные потоки восходящего воздуха плавно приподняли его над полом — истинное величие возносящегося праведника.

В тени цветущего персика за храмом стоял юноша. Облаченный во всё белое, он прислонился спиной к шершавому стволу и безучастно наблюдал за тем, как небесная кара обрушивается на крышу удар за ударом.

Вскоре зрелище ему наскучило. Он размял затекшую шею и уже собрался уходить, как вдруг

со стороны ворот раздался испуганный рев толпы, а следом грянул грохот такой силы, словно раскололась сама земля. Юноша замер и оглянулся.

Небо над головой утратило свой привычный свинцовый оттенок. Сквозь разрывы в облаках хлынул тусклый, зловещий фиолетовый свет. Паломники испуганно зашептались: разве после испытания молниями праведник не должен обрести вечную жизнь и уйти под звуки небесной музыки? Подобное зловещее знамение не сулило ничего хорошего.

Настоятель, вновь прикрывший было глаза, распахнул их. Его зрачки отливали чистым золотом. Вглядываясь в клокочущую вышину, он произнес, и голос его раскатился над холмами подобно ударам колокола:

— Грозовой змей, не к чему прятаться. Я давно знал, что мне суждено пройти через это испытание.

В небесах гроыхнуло с новой силой. Сквозь плотную завесу туч проступил гигантский змеинный силуэт. У чудовища были и когтистые лапы, и блестящая чешуя, но лоб оставался плоским — без единого намёка на драконьи рога. Разинув пасть, тварь пророкотала человеческим голосом:

— Лысый монах! Сегодняшний день станет днем твоей кончины!

Встреча эта действительно была предрешена судьбой. Много лет назад, странствуя по свету, настоятель уже сталкивался с этим порождением бури. Цзяо по природе своей сластолюбивы и коварны. Этот змей вечно навлекал грозы на селения, похищая невинных дев, дабы через плотские утехи вытянуть их жизненную силу для укрепления собственного дара. Тогда монаху удалось одолеть чудище, но в последний миг тварь сбросила кожу и сумела ускользнуть.

Под персиковым деревом Цзи Цин хмуро разглядывал разворачивающуюся драму. Он нахмурился и поджал губы. Сегодня он поднялся в обитель лишь для того, чтобы почтить память усопших родителей, и никак не ожидал оказаться в самом эпицентре чужой вражды. В его глазах отразилось искреннее недоумение.

«Люди так отчаянно бьются за бессмертие, изнуряют себя практиками ради призрачного шанса вознестись... Но к чему это? Какая радость в вечной жизни, если ты обречен влачить её в ледяном одиночестве, без единой родной души рядом?»

Пока юноша предавался невеселым размышлениям, противники сошлись в воздухе. Схватка была стремительной. Буквально за пару разменов настоятель начал сдавать позиции — за прошедшие годы змей невероятно окреп. Ударом когтистой лапы тварь разбила четки в щепки, и бусины дождем посыпались вниз. Не теряя драгоценных мгновений, грозовой змей совершил резкий разворот и с силой обрушил свой тяжелый хвост на грудь старого монаха.

Вспыхнувшее золотое свечение не уберегло праведника. Защитный барьер лопнул со звоном.

Брызнула кровь, и монах, потеряв равновесие, кубарем полетел к земле.

Увидев, что падающее тело несется прямо на него, Цзи Цин побелел от ужаса. Какое дикое невезение!

В ту же секунду небеса разродились оглушительным треском. Иссиня-черные грозовые тучи сошлись в одну точку, породив гигантский фиолетовый разряд. Небесная кара настигла летящего настоятеля в воздухе, но, пройдя сквозь его плоть, даже не подумала угаснуть. Ветвящаяся змея чистой энергии ударила точно в остолбеневшего юношу.

Дикая, неопишуемая боль мгновенно парализовала тело. Прежде чем сознание окончательно померкло, Цзи Цин успел заметить лежащего рядом обугленного монаха.

«За что мне всё это?..»

Мир вокруг него окончательно погрузился во тьму.

<http://bllate.org/book/20393/2112094>